

ТРУДНОСТИ ПЕРЕВОДА С РОДСТВЕННЫХ ЯЗЫКОВ (РУССКИЙ, УКРАИНСКИЙ)

MARGARITA ZHERDINOVSKAYA, *Universidad de Kiev*

RESUMEN

Los fundamentos principales de la teoría de la traducción artística empezaron a elaborarse en Rusia y en Ucrania a mediados del siglo XX. Entre los fundadores de la traducción artística ucraniana aparecen los nombres de Igor Kachurovskiy, Grygoriy Kóchur, Mykola Lukash, Boris Oleksándriv, Oleksándr Fínkel. Hay una opinión de que la traducción entre los idiomas cercanos es mucho más fácil que la de los idiomas distantes. Pero en realidad no es así. Resulta que frecuentemente la traducción en este caso suele ser más complicada porque las mismas palabras, por ejemplo, en ruso y en ucraniano pueden tener un sentido distinto y a veces opuesto.

Palabras clave: Traducción de idiomas “cercanos”.

ABSTRACT

The basic principles of artistic translation theory came to be established in Russia and Ukraine in the mid 20th century. In Ukraine, the founders of artistic translation include such names as Igor Kachurovskiy, Grygoriy Kóchur, Mykola Lukash, Boris Oleksándriv and Oleksándr Fínkel. Although it is often supposed that translation between closely related languages is far easier than translation between distant languages, in reality this is not the case. Very often, translation between close languages is more complicated owing to the fact that the same words, for example in Russian and Ukrainian, may have a different – and sometimes opposite – meaning.

Keywords: translation of ‘close’ languages.

Перевод играет огромную роль в культурном развитии человечества. Можно вспомнить слова А.С. Пушкина, назвавшего переводчиков “почтовыми лошадьми просвещения”. Перевод – очень древний вид человеческой деятельности, который выполнял важную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Возникновение письменных переводов открыло ещё более широкий доступ к взаимообогащению литератур и культур разных народов. В наше время художественный перевод стал органической частью каждой литературы, уровень которой определяется не только количеством собственных оригинальных произведений, но и количеством переводов с других языков на свой и со своего языка на другие.

Ещё в XVI веке французский поэт и переводчик Этьен Доле (1509-1546) пытался сформулировать основные принципы перевода. В XVIII веке англичанин А. Тайтлер в своей речи “Принципы перевода”, прочитанной в Эдинбургской академии в 1791 г., назвал три основных требования к переводу, которые вполне подходят и к нашему времени:

1. перевод должен полностью передавать идеи оригинала;
2. стиль и манера изложения перевода должны быть такими же, как в оригинале;
3. перевод должен читаться так же легко, как и оригинальное произведение.

Над тем, как нужно переводить думали многие переводчики и писатели. Кантемир и Тредиаковский отмечали, что в переводе должны быть сохранены мысли подлинника. В Петербурге во второй половине XVIII в. ощущалась такая настоятельная потребность в переводе, что было основано общество переводчиков “Собрание,

старающееся о переводе иностранных книг” (1768-1783).

Уже в наше время харьковский переводчик и профессор Александр Финкель (1899-1969) стремился разработать и обосновать объективные критерии, на основе которых следует определять качество художественных переводов. Эти свои мысли он изложил в книге “Теория и практика перевода”, которая была издана в 1929 г., но доступ к ней сейчас, к сожалению, невозможен, т.к. книга повреждена и хранится в архиве Харьковского университета.

Оказалось, что сформулировать теоретические основы художественного перевода довольно сложно, ещё и сейчас принципы переводоведения предстают иногда в довольно туманном и неясном виде, т.к. каждый перевод субъективен и зависит, в основном, от квалификации и индивидуальных способностей переводчика. Во многих случаях перевод, который представляет собой творческую мыслительную деятельность, происходит интуитивно, и тогда этот процесс называется искусством перевода. В качестве примера можно вспомнить перевод Иваном Буниным “Песни о Гайавате” Уитмена, сделанный при помощи нежелательного подстрочника, но в то же время считающимся лучшим переводом этой поэмы на иностранный язык.

В 1997 г. в переводах Игоря Качуровского на русском языке была опубликована книга “Окно в украинскую поэзию”, куда вошли стихотворения сорока четырёх украинских поэтов. Эти переводы украинской поэзии на русский язык поражают абсолютной верностью оригиналу как по форме, так и по содержанию. Современный учёный, писатель, литературовед и переводчик, профессор Украинского Вильного университета в Мюнхене, лауреат Шеченковской премии Украины 2006 г. Игорь Васильевич Качуровский в книге “Лучезарные силуэты”, изданной в 2002 г. в Мюнхене, высказывает своё кредо относительно поэтических переводов и пишет, “... исключительное знание языка, умноженное на собственный поэтический дар и безошибочный эстетический вкус, обеспечивают поэтическим переводам художественную равноценность оригиналам...”. (Игор Качуровский “Променисті сільвети”, Мюнхен, 2002, 543).

Как пример такого равноценного, на мой взгляд, перевода я хотела бы предложить оригинал стихотворения современного украинского поэта Дмитро Павличко “Над морем” и перевод этого стихотворения на русский язык, сделанный Игорем Качуровским:

Над морем
Дмитро Павличко

В морі я хотів печаль свою втопити –
Я до моря вийшов рано – море спить.
І мені його будити стало жаль – Залишилася мені його печаль.
Ополудні йду до моря і здаля
Бачу, що воно сміється, як маля.
І мені його смутити стало жаль –
Залишилася мені моя печаль.
Уночі до моря знову я прибіг,
А воно ридало біля ніг моїх.

І мені його самого стало жаль – Залишилася мені моя печаль.

Над морем
Перевод Игоря Качуровского

Утопить решил я горе – вглубь, на дно...
Вышел к морю рано утром – спит оно.
И будить его мне стало жаль,
И осталась со мной моя печаль.
Ровно в полдень вышел к морю я, грустя,
А оно светло смеётся, как дитя.
Огорчить его мне снова стало жаль, И
осталась со мной моя печаль.
Вновь пришёл я к морю в темноте ночной,
А оно рыдает, стонет предо мной.
Самого тогда мне моря стало жаль. И
осталась во мне моя печаль.

В переводческой практике возникло и такое явление как “непереводимость”, т.е. невозможность перевести текст на другой язык (в основном это касалось поэзии). Об этом писали Шелли, Данте и американский поэт Роберт Фрост. Такого же мнения придерживался Борис Пастернак, но впоследствии, когда ему пришлось активно заниматься переводами, он написал, что поэтические переводы мыслимы, потому что в идеале и они должны быть художественными произведениями и при общности текста становятся вровень с оригиналами своей собственной неповторимостью.

Действительная непереводимость случается чаще всего тогда, когда перевод противоречит мировоззрению народа, на язык которого пытаются перевести поэтическое произведение. Так произошло со знаменитым, вызвавшим большую дискуссию, стихотворением Константина Симонова “Жди меня”, где есть такие строчки: “Пусть поверят сын и мать в то, что нет меня...”. И даже такой выдающийся переводчик кавказской поэзии, как Наум Гребнёв, не решился перевести это стихотворение на языки кавказских народов, мотивируя это тем, что для народов Кавказа мысль о том, что мать может забыть сына, кажется совершенно невероятной. Он даже привёл народную кумыкскую песню, в которой говорится:

Жена овдовеет – к другому уйдёт,
А матери, грудью кормившие нас,
Раствоившие нас и любившие нас,
Услышат, что пали мы в горестный час,
И сами слезами себя изведут,
И сами в сырую могилу сойдут.

Основы научной теории перевода стали разрабатываться лишь к середине XX в. Как раз к этому времени в 1958 г. на Украине начинает выходить журнал иностранной литературы “Всесвіт”, который собрал вокруг себя переводчиков, а также теоретиков перевода. (Был когда-то ещё старый “Всесвіт”, который издавался с 1925 по 1934 гг.). “Всесвіт” и сейчас выходит, правда, сдвоенными номерами, поскольку тираж его из-за финансовых трудностей очень понизился, но тем не менее журнал регулярно издаётся, и я имею честь до сих пор там довольно часто печататься. Среди украинских теоретиков и практиков перевода я бы хотела назвать такие имена: Игорь Качуровский, Григорий Кочур, Микола Лукаш, Борис Тен, Андрей Содомора, Борис Александрив, Михаил Орест, Александр Финкель.

Известный переводчик и теоретик перевода Григорий Кочур писал о том, что в шестидесятых годах возникло два направления в украинском переводоведении. Кочур отмечал, что он сам, когда переводит, старается увести читателя в страну автора, а вот такой известный переводчик, как Микола Лукаш своими переводами возвращает читателя в Украину. (Если у Ф.Г. Лорки, которого Лукаш переводил, “en el olivario cantaba un gorríón” (в оливковой роще пел воробей), то у Миколи Лукаша - „співає соловейко“, (поёт соловей), что более традиционно для Украины.

Что-то похожее когда-то сформулировал Гете. Он отмечал, что для перевода существует два принципа: один требует, чтобы иностранный автор был переселён к нам, чтобы мы могли смотреть на него, как на своего, другой, напротив, предлагает нам отправиться к иностранцу и освоиться с его жизнью, способом выражения и

особенностями. Из этих двух путей, по мнению Гете, правилен второй, но вопрос этот спорный, т.к. переводы Миколи Лукаша, несмотря на свойственную ему, так называемую “нострификацию”, т.е. замену иностранных реалий реалиями из родного языка, всегда заслуживали самой высокой оценки.

Бытует мнение о том, что с близких, т. е. с родственных языков, переводить гораздо проще, чем с языков далёких, принадлежащих к другой лингвистической группе. Такое мнение глубоко ошибочно. Зачастую похожие слова в родственных языках имеют совсем другой, а иногда и противоположный смысл. В качестве примера можно привести украинские, а также польские слова “урóда” или “врóда”, “уродливий” или “вродливий”, что означает “красота” и “красивый”, в русском же языке это означает “уродство” и “уродливый”. Слово “старці” по-украински значит “нищие”. Переводчик и поэт Лев Мей перевёл это словом “стáрцы”, хотя эти “стáрцы” иногда подростки, а то и дети. Корней Чуковский в своей книге “Высокое искусство” приводит массу примеров неадекватности одних и тех же слов в разных, хотя и близких языках. Например, такую строку Тараса Шевченко, как “Пішла лунá гáєм” переводчик перевёл, как “Пошла луна лесом”, не догадываясь о том, что слово “луна” по-украински означает “эхо”.

Поэму Тараса Шевченко “Наймичка” (“Служанка”) Мей перевёл в 1865 году, а Сологуб спустя пятьдесят лет, и оба они сделали одну и ту же ошибку, скорее всего по недостаточному знанию украинского языка. У Шевченко написано “Ой у полі.../ Там удова ходила.../ Та синів двох привела...”. Перевод, конечно, оказался неправильным, т.к. в данном случае “привела” по-украински значит “родила”, поэтому подлинник Шевченко оказался совершенно искажённым.

Ещё один случай из той же области произошёл с русским поэтом Михаилом Светловым. Переводя стихотворение украинского поэта Владимира Сосюры, Светлов строчку “На розі дзвенів трамвай” перевёл, как “На розе звенел трамвай”, не догадываясь, что “на розі” по-украински значит “на углу”. В этой связи вспоминается французский писатель Проспер Мериме, который перевёл с русского на французский язык “Мёртвые души” Гоголя. Мериме дружил с Тургеневым и часто советовался с ним относительно своих переводов с русского языка. Он хорошо знал русский язык, но переводя “Мёртвые души”, всё-таки в одном месте споткнулся. Когда Чичиков приехал к Коробочке, он сказал ей “Какая у тебя красивая шкатулка, чай, в Москве купила”? Вот этот “чай” оказалось трудным для переводчика, в переводе получилось: “Ты чай в Москве купила?”

Воспроизведение даже одного слова не всегда даёт правильное представление о подлиннике, т.к. стиль одного и того же слова в двух родственных языках зачастую различен, и ассоциации, порождаемые им, не всегда передают подлинник.

Корней Чуковский в своей книге предлагает всем сделать опыт и попробовать перевести такое двустишие Шевченко, которое ещё ни одному переводчику не удавалось сделать:

Тільки наймичка шептала:
“Мати...мати...мати!”

Всё тот же переводчик Лев Мей перевёл так:

Словно мёртвая стояла,
“Мать! Мать! Мать” – она шептала.

Получилось, по меньшей мере, неблагозвучно.

Среди украинских переводчиков русской поэзии выделяется своими прекрасными переводами, близкими к оригиналам, поэт Борис Олександрив, который переводил Пушкина и Лермонтова, Алексея Толстого и Якова Полонского, Ивана Бунина и Анну Ахматову, в частности её „Реквием”, стихи Сергея Есенина. Борис Александрив родился на Украине, в годы войны попал в Германию, свою жизнь закончил в Канаде. Долгие годы его не печатали в Украине, и только сравнительно недавно начали издавать на родине. В 2006 г. в Киеве в издательстве “Юніверс” вышла его книга переводов (1940 – 1979) “Чужі пісні – у відгомоні власному” – “Чужие песни – в собственных отзвуках”.

М.Ю. Лермонтов

Парус

Біліє парус одинокий
В незмірній моря ширині...
Чому він кинув рідний спокій
І що шукає в чужині?

Шумує вітер, хвиля грає,
І щогла хилиться гнучка...
О ні, він щастя не шукає
І не від щастя утіка!

Під ним глибінь ясніш лазурі,
Над ним проміння теплий рій...
А він, бунтарний, просить бурі,
Неначе в бурях – супокій...

Белеет парус одинокой
В тумане моря голубом!..
Что ищет он в стране далекой?
Что кинул он в краю родном?..

Играют волны – ветер свищет,
И мачта гнется и скрипит...
Увы! Он счастья не ищет
И не от счастья бежит!

Под ним струя светлей лазури,
Над ним луч солнца золотой...
А он, мятежный, просит бури,
Как будто в бурях есть покой!

Переклад Бориса Олександрова

Алексей Толстой «Средь шумного бала...»

На шумному балі, нежданно,
Де жарти лунали і сміх,
Тебе я побачив, жаданна,
І довго забути не міг.

Та очі дивилися журно,
А гошлос так дивно бринів,
Як гомін далекої сурми,
Як моря вечірного спів.

Той вечір у думці не гасне,
Хоч був він короткий, як мить.
А сміх твій і ніжний і ясний.
Ще й досі у серці бринить...

В години самітливі ночі
Лише б я на хвилику приліг, -
Я бачу зажурені очі,
Я чую твій голос і сміх.

І сумно я так засинаю,
Та мрії не збудусь ніяк.
Невже я і справді кохаю?
А серце підказує: "Так"!

Средь шумного бала, случайно,
В тревоге мирской суеты,
Тебя я увидел, но тайна
Твои покрывала черты.

Лишь очи печально глядели,
А голос так дивно звучал,
Как звон отдаленной свирели,
Как моря играющий вал.

Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид,
А смех твой, и грустный и звонкий,
С тех пор в моем сердце звучит.

В часы одинокие ночи
Люблю я, усталый, прилечь -
Я вижу печальные очи,
Я слышу веселую речь;
И грустно я так засыпаю,
И в грезах неведомых сплю...
Люблю ли тебя - я не знаю,
Но кажется мне, что люблю!

Этот романс на музыку Петра Ильича Чайковского можно петь так же точно на украинском языке, как и на русском.

Вопрос о том, как нужно переводить художественный текст находится ещё в стадии своего разрешения и совершенствования. Ясно одно: обязательным условием квалифицированного художественного перевода является глубокое знание обоих языков, особенно того, на который переводится произведение, а также высокое общее образование переводчика, который должен знать не только язык, но и историю, этнографию, обычаи, быт страны, на язык которой переводится произведение.

БИБЛИОГРАФИЯ

ЧУКОВСКИЙ, Корней, *Высокое искусство*, Москва, 1968. "Советский писатель".

КАЧУРОВСКИЙ, Игорь, *Окно в украинскую поэзию. Антология*, Мюнхен-Харьков-Нежин, 1977.

КАЧУРОВСЬКИЙ, Игор, *Променисті сильвети*, Мюнхен, 2002.

ОЛЕКСАНДРІВ-ГРИБІНСЬКИЙ, Борис, *Чужі пісні – у відгомоні власному. Переклади (1940 – 1979)*, Київ, Юніверс, 2006.